
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОЙ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ИСПАНЦЕВ

М.В. Кутьева

Кафедра иностранных языков № 3 ИИЯ
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макля, 6, Москва, Россия, 117198

Статья фокусируется на манере испанца говорить, вести диалог, порой превращая его в монолог и *vice versa*. В таких чертах, как преувеличенная громкость, повторы, злоупотребление превосходной степенью, сказывается экспансивность и экзальтированность испанского национального характера и мироощущения.

Ключевые слова: живая речь, повтор, эмоциональность, коммуникация, спонтанность.

Испанцы — люди, ставящие общение выше многих вещей на свете. Общению посвящают они все свое свободное время. Общаться — значит *pasarlo bien, disfrutar* (хорошо проводить время, наслаждаться). Общаясь, каждый высказывается, почти не слушая собеседника.

У представителей других наций (например, у англичан) сформировалось ощущение, что испанцы постоянно спорят и кричат друг на друга.

Обыкновение жителей пиренейского полуострова бесконечно дискутировать на любую тему (*opinar*) трудно не заметить. Поражает умение возражать, соглашаясь, и соглашаться, возражая, что отлилось в формуле «¡Eso sí que no!» (дословно: *это да что нет*, то есть «Ни в коем случае!»).

Для носителей испанского языка характерно стремление высказаться, причем громко, на полную мощность, выплеснуть окружающим эмоциональный накал — все, что наболело. Нередко это мешает делу, ибо неистребимый индивидуализм испанцев превращает принятие любого коллективного решения в длительный и бесплодный процесс высказывания мнений. Заметьте: не в обмен мнениями, а именно в высказывание собственного взгляда без малейшего внимания к чужой позиции. Дело доводится до конца только тогда, когда интерес к нему пропадает и кто-то из спорщиков решает все единолично, по-своему.

Не редкость — сообщение в центральной прессе о том, что заседание продолжалось более десяти (!) часов и не привело ни к какому результату. «Fueon casi 11 horas de reunión. Casi 11 horas entre las 19.30 del miércoles y las seis de la mañana pasadas del jueves. Como en los viejos tiempos» (Почти 11 часов длилось совещание. Почти 11 часов с 19.30 вечера среды и до шести часов утра четверга. Как в старые времена). Так начинается заметка, напечатанная в газете Эль Паис. Статья названа *Casi 11 horas «intensas, duras e infructuosas»* (Почти одиннадцать часов — «напряженных, тяжелых и бесплодных») [М.Á. Noceda. El País. 11/06/2010].

Изнурительные дебаты по поводу изменения трудового законодательства шли между лидерами профсоюзов и представителями правительства. До 21.30 обсуждалась повестка дня — то есть те позиции, которые выносятся на обсуждение. Данная ситуация — яркий пример того, как стратегия (добиться понимания и склонить на свою сторону) вступает в противоречие с тактикой (говорить, никого не

слушая), приводя к понятному результату, копирующему итог предприятия лебедя, рака и щуки — «а воз и ныне там».

Страсть к бесконечным спорам и жарким обсуждениям отразилась в пословице: «Tres españoles, cuatro opiniones» — у трех испанцев четыре мнения.

Любовь к дискуссиям отмечалась и самими испанцами. Мигель де Унамуно называл свой народ «демократическим, а еще более — демагогическим»: «pueblo democrático y más bien demagógico» [10].

В дискуссии сногшибательный, сильнейший аргумент звучит как «**Это я тебе говорю!** / ¡Te lo digo yo!» Нет и быть не может доказательств сильнее собственного убеждения говорящего. Об этом с типично испанским пикантным чувством юмора пишет Ф. Диас-Плаха в книге «Испанец и семь смертных грехов»: «Cuando el español discute, no admite pruebas superiores a su razonamiento. Recuerdo una larga polémica sobre cómo se deletreaba una palabra. Por fin, el que tenía razón, lanzó el proyectil que guardaba para mayor efecto. — No discutas más. Lo dice el diccionario de la Academia. El otro no pestañeó. — Pues está equivocado el diccionario de la Academia» [9. С. 63]. В споре испанец не допускает доказательств сильнее своего собственного суждения. Я помню долгую полемику о том, как пишется одно слово. Наконец тот, кто был прав, выпустил снаряд, который заготовил для большего эффекта: «Не спорь. Так написано в словаре Академии». Тот не сморгнул: «Значит, ошибается словарь Академии!»

Испанцы не любят слушать длинные речи, не любят оперу и долгие спектакли. А вот на футбольном матче или бое быков (*corrida de toros*) можно не только насладиться зрелищем, но еще и тут же, *ad hoc*, обменяться впечатлениями, не убавляя децибелов, тут же что-нибудь съесть или выпить. Подобное зрелище всегда — лишь повод пообщаться.

Так, герои романа *Cañabate* собираются большой группой и идут на корриду, прежде всего, для того, чтобы ... *спорить* (!) о быках, признаваясь: «A mí lo que me chifla es llevarle la contraria a Andrés, que se da pote de que no se le escapa nada de lo que hagan los toreros y, nada, no da una. Lo majo de todas todas» (Мне больше всего нравится противоречить тому, что говорит Андрес, потому что он воображает, будто от него не ускользает ни одна деталь. И — ничего подобного.) Естественная реакция на данную реплику — вопрос: «— ¿Es que tú entiendes de toros?» (А ты разбираешься в корриде?). И тут следует ошеломительный для нас, но закономерный для испанца ответ: «— Hombre, entender no entiendo, pero no me hace falta, porque yo voy divertirme...» [8. С. 136]. (Разбираться я не разбираюсь, но мне это и не нужно, я же развлекаться иду!)

Апофеоз потребности высказаться как состояния души запечатлен в романе М. Делибеса «Пять часов с Марио».

Роман представляет собой беспрерывный монолог вдовы, которая в течение пяти часов, не умолкая ни на секунду, «разговаривает» с мужем... Мертвым!

На двухстах пятидесяти семи страницах она высказывает ему все, что думает о нем, о его поведении, ошибках и о фантастических возможностях, упущенных ею из-за него. При этом ее абсолютно не интересует его реакция. То есть смерть мужа, точнее, состояние, когда физически он еще здесь, а функционально его уже нет, — это уникальная возможность для жены сказать без каких-либо ограничений все,

что ей приходит в голову. Ее во всей этой «речевой ситуации», в частности и жизненной парадигме, вообще интересует только она сама. Ее монолог чудотворным образом приобретает черты диалога. Кармен буквально забрасывает покойника вопросами, например: *¿de cuando acá una chica de bien ha de hacer de fregona, dime?* (С каких это пор порядочная девушка должна полы мыть, скажи мне?); *¿puedes decirme que culpa tiene la niña?* (Ты можешь сказать мне, в чем девочка виновата?) [7. С. 195]. За вопросом тут же следует ее же моментальный ответ: «*¿Y sabes lo que es eso? ¡Complejos!*» (А знаешь, что это? Комплексы!)

Речь героини пестрит призывами поменять жизненные установки: «*No, Mario, desengáñate!*» (Открой глаза, т.е. оставь свои заблуждения!) и разнообразными упреками: «*Es que vivís en la higuera!*» (Вы витаете в облаках!) (там же), попытками удержать внимание собеседника: *¡fíjate!, ¡figúrate! ya ves* (Заметь! Представь себе! Ты же видишь).

Высокая частотность вопросов, находящихся в постпозиции к высказыванию, стимулирует, как отмечает О.М. Мунгалова [4. С. 103], процесс общения.

Вопросы при этом могут звучать так: *¿Qué te parece? ¿te parece?* [7. С. 197]. Характерны также сдвоенные вопросы: то есть сам вопрос, а после него довесок: *¿no es cierto? ¿se puede saber? ¿puedes decírmelo?* Например: *¿Por qué las chicas no se ponen a servir como Dios manda, di?, ¿por qué?* [7. С. 198]. Подобным модификациям подвергаются нейтральные синтаксические модели в ситуациях непосредственной коммуникации. Это связано с потребностями более экспрессивного выражения мысли.

При встрече, еще издали, на бегу, испанец спросит: «*¿Qué tal? ¿Cómo estás? ¿Qué hay?*» Тройной каскад вопроса, произнесенного почти захлеб или почти навзрыд, сопровождаемый распахнутыми объятиями, хлопками по плечу и радушной улыбкой, заставит Вас поверить в искренность заинтересованности положением дел у Вас. Однако не обольщайтесь! Это всего лишь дань вежливости, признак хорошего воспитания, это фиктивная участливость, повергающая в недоумение русского человека, демагогия, как подметил Унамуно. Темперамент и повышенный тонус добавляют красок в эту иллюзию.

Общение для испанца — это то же самое **я**, но в функции экспансии.

Импульсивность влечет за собой обильную междометизацию субстантивов, входящих в состав слов «первой тысячи». Междометизация на уровне речи изоморфна жестикуляции на поведенческом уровне. И еще до того, как прозвучит тройственный союз вопроса-приветствия, Вы услышите что-нибудь вроде: «*Hombre! Mujer! Ostras!* (эвфемизм от *hostias*) *Naranjas! Caracoles!* (эвфемизм от *carajo*)».

Русский и испанец в этом плане зеркально противоположны. Русский коллективизм и взаимовыручка при коллективной грубости и угрюмости противопоставлены испанскому индивидуализму при вежливости, улыбочивости, поверхностном дружелюбии и любезности. Воистину, стихи и проза, лед и пламень — не столь различны меж собой!

Улыбка, веселость, добродушный смех — обязательные атрибуты воспитанного человека в испаноязычных странах. На свете нет испанского туриста, который бы, приехав в Россию, не спросил своего гида: «Почему никто не улыбается? Тяжелое наследие коммунизма сказывается?» Приходится отвечать, что, мол,

«простим угрюмство, разве это сокрытый двигатель» русского человека (?), «он весь — дитя добра и света...» Хотя куда мы денем нашу народную мудрость, вылившуюся в поговорки «Смех без причины — признак дурачины» и «По хохоту издалека узнаешь дурака»?

Импульсивность национального характера приводит и к обилию множественного числа в языке, его использованию там, где логически его быть не должно, и к графическому удвоению: простановка знаков вопроса и восклицания не только в конце, но и в абсолютном начале высказывания. Наблюдается тенденция к собирательному видению, к удвоению: buenos días/добрый день; buenas noches/добрый вечер; gracias/спасибо; las matemáticas/математика; los correos/почта; los grandes almacenes/универмаг, las navidades/рождество, las autoridades/власть, los cielos/небо, en vísperas/накануне; llueve a mares (море присутствует больше, чем в русском es la mar de simpático arar en el mar, azul marino), llueve a cántaros / букв.: дождь идет кувшинами, а у нас — дождь льет как из ведра (из одного ведра); no estar en sus casillas / быть не в себе (не в своих клетках); con los hígados en la boca/в гневе (букв.: с печенью (во мн. ч.) во рту); por narices; en las espaldas.

Вступившему в мир испанского языка бросаются в глаза злоупотребление превосходной степенью: «No sabes *cuantísimo* te lo agradezco» [7. P. 255], estos italianos son el *mismísimo* demonio. Обороты с превосходной степенью приходится переводить описательно, добавляя соответствующую лексику: «Ты не представляешь себе, как *глубоко* (*искренне*) я тебе благодарна», «Эти итальянцы — *самые что ни на есть* дьяволы».

Весьма типичными для речевой тактики испанца являются парцелляции и повторы — даже в рамках одного предложения: «A primera vista, parecerá una bobada, pero el dicho **tiene mucha miga**, Mario, vaya **si la tiene**» [7. P. 185]. (На первый взгляд, это кажется глупостью, но в этой фразе большой смысл, Марио, уж конечно, в ней он есть.)

В диалогах испанцы очень любят повторять предыдущую реплику — подхватить мысль говорящего, порою с тем, чтобы развернуть ее в противоположном направлении. Испанские филологи [11] окрестили такую практику «construcciones-ecos» — эхо-конструкции.

Обильное «эхо» в испанской разговорной речи обусловлено ее природой, не допускающей пустот и обрывов, ревностно соблюдающей плавность и непрерывность речевого потока, испытывающей священный ужас перед молчанием — своеобразный страх тишины [5. С. 51—52].

В диалогах между испанцами принято поддерживать друг друга, «вытаскивать» в случаях ступора, как альпинисты на подъеме в гору, давать в паузах гезитации подсказку, вариант позабытого собеседником или ускользнувшего от него слова. Посмотрим пример:

Cristian — Me gusta más instruírlas. **Ser instructor.**

Bertín. — ¡Ah, **ser instructor!**

Cristian. — Sí, aunque **hoy día**... no sabes quién te puede sorprender.

Bertín. — Ahí está la cosa.

Cristian. — **Ahí está.**

Bertín. — **Ahí está la cosa**, señores. Que **hoy día** donde menos se lo piensa usted, salta la liebre. [Цит по: Vigara Tauste 1994. P. 5—7].

Кристиан: — Мне нравится их инструктировать. Быть инструктором.

Бердин: — А, быть инструктором!

Кристиан: — Да, хотя сегодня... не знаешь, кто тебя удивит.

Берлин: — Вот в том-то все и дело.

Кристиан: — Вот в том-то.

Берлин: — Вот в том-то все и дело, господа. Сегодня, где меньше всего ожидаешь, там и найдешь (букв.: там и выскочит заяц).

Повторы лишены информативности. Зачем же тогда они нужны? Какова их функция?

А функция их — контактопродолжающая. Их цель — поддержать коммуникацию как непрерывный процесс. Цель и смысл процесса заключается в продолжении, поддержании самого процесса.

Это примерно то же самое, что и смысл жизни. Вопрос о смысле жизни снимается естественнонаучным определением жизни как способа существования белковых тел.

Избыточность проявляется и в сфере оборотов с числовым компонентом. Если для русского два — это мало, а три — в самый раз (в сказках все осуществляется с третьего раза), то в испанском языке мало и двух, и трех, и даже четырех. Четыре — показатель малочисленности: *vinieron a la clase cuatro gatos* / на занятия пришли четыре кота, т.е. мало людей; *cuesta cuatro duros* / стоит четыре пятака (у нас теперь говорят «три копейки»). *Cuatro gatos* — так называется детский журнал www.cuatrogatos.org, а также ресторан в Саламанке www.cuatrogatos.es.

Перебор можно обнаружить и в форме местоимения *Usted*. Обращаясь уважительно к кому-либо, мы говорим *Вы*. Это всего лишь форма множественного числа. В испанском языке *Вы/Usted* — форма, образованная от *Vuestra Merced* (не больше не меньше как *Ваша Милость*).

Думается, что в испанской языковой личности присуще повышенная по сравнению с русской персонализация. Именно этот когнитивный признак ведет, по нашему мнению, к удвоению *личного* местоимения в синтаксических конструкциях *мне больно (a mi me duele)*: *a mi me pasa lo mismo que a Usted, ¿a ti que te importa?* Любезность и вежливость обусловили существование для личных местоимений дательного падежа в его этической функции, который так и называется в грамматике — *dativo ético*: *le ruego a Usted, que le vaya bien, le dije al dependiente*.

Язык обязан стремиться к экономии своих средств. Но он терпит эту избыточность ради эстетических приоритетов! На фоне русской сдержанности испанская галантность выглядит гротескной: *Le importa cerrar el paraguas; tiene en Sevilla su casa* / теперь в Севилье у Вас есть дом (т.е. «приезжайте в гости»), *ya tiene casa en Granada, encantado de haberle conocido* / дословно: я очарован тем, что познакомился с Вами; *Dichosos los ojos que le ven* / Счастливы те глаза, что видят Вас; *su seguro servidor* / я Ваш надежный слуга; *estoy a su entera disposición* / я в Вашем полном распоряжении; *en seguida quedará Usted servido* / Вас мгновенно обслужат; *tenga la bondad, haga el favor* — синонимы, означающие ‘будьте любезны, сделайте одолжение’.

Все эти фигуры речи напоминают стиль барокко с его манерными завитками и непрактичными красотами. Названные формулы отдают напыщенностью и жеманством. В них немало прилагательных с семантикой абсолюта: в *полном* распоряжении, *надежный* слуга, *счастливы* те глаза, что видят Вас. Так отразились в языке позерство, фиглярство, манерность, маньеризм как модус быта. Многое говорится испанцем для того, чтобы поднять себе настроение. Многое — чтобы завязать разговор, т.е. с контактоустанавливающей целью.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Фирсова Н.М.* Испанская разговорная речь. — М.: Изд-во «Муравей». — 2-е изд., перераб. и доп., 2002.
- [2] *Арутюнова Н.Д.* Из наблюдений над испанским модальным диалогом // Сб. Вопросы испанской филологии. — Л.: ЛГУ, 1974. — С. 65—74.
- [3] *Мед Н.Г.* Структурные типы собственно эмотивных предложений в современном испанском и португальском языках: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Ленингр. гос. ун-т. — Л., 1983.
- [4] *Мунгалова О.М.* О некоторых дискурсивных тактиках построения испанского диалога // Иберо-романистика в современном мире: научная парадигма и актуальные задачи. Тезисы конференции. — М.: Изд-во МаксПресс, 2003. — С.103—105.
- [5] *Мунгалова О.М.* Нотта silentii как стратегия испанской диалогической и монологической речи // Романские языки и культуры: от античности до современности. Тезисы докладов. — М.: Изд-во МГУ, 2001. — С. 51—53.
- [6] *Abellan J.L.* Los españoles vistos por sí mismos. — Barcelona: Factoria Ediciones, 1986.
- [7] *Delibes M.* Cinco horas con Mario. — Moscú: Editorial Progreso, 1979.
- [8] *Díaz-Cañabate A.* Paseillo por el planeta de los toros. — Madrid: Alianza Editorial, 1970.
- [9] *Díaz-Plaja F.* El español y los siete pecados capitales. — Barcelona: Círculo de Lectores, 1969.
- [10] *Unamuno M. de.* Abel Sanchez. — URL: [http://es.wikisource.org/wiki/Abel_S%C3%A1nchez_\(1917\)](http://es.wikisource.org/wiki/Abel_S%C3%A1nchez_(1917))
- [11] *Vigara Tauste A.M.* Comodidad y recurrencia en la organización del discurso coloquial // El español coloquial: Actas del I simposio sobre análisis de discurso oral. — Almería: Universidad de Almería, 1994. — URL: http://www.ucm.es/info/especulo/numero7/vig_como.htm

SOME SPECIAL FEATURES OF SPANISH SPEECH STRATEGY AND TACTICS

M.V. Kutieva

Foreign languages chair N 3 FLI
Peoples' Friendship University
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article is focused on the manner of Spaniard to speak, to conduct dialogue, converting it into the monologue and vice versa. We consider that such features as exaggerated loudness, repetitions of the same words, abuse of superlative degree, demonstrate effusiveness and exaltation of Spanish national nature and general attitude to the world.

Key words: repetition, emotionality, communication, spontaneity.